

А.С. Барашкова, А.Л. Сеница

Миграция в Якутии сквозь призму освоения края в дореволюционный период¹

УДК 314.7+314.148

Аннотация. Обращение к истории заселения окраин России позволяет более глубоко понять контекст их развития и подготовить рекомендации по улучшению социально-экономической ситуации. Авторы ввели в научный оборот термин «акторы миграции», который служит инструментом систематизации имеющихся знаний о миграции и установления причинно-следственных связей при анализе миграционных процессов, в частности, при оценке затрат на переезд или переселения. На примере освоения Якутии в XVII–XIX веках рассмотрен вклад отдельных акторов миграции. Показано, что в случае движения местного населения в пределах Якутского края акторами миграции выступают род, племя, семья. Внешнюю миграцию организовывало, финансировало и сопровождало преимущественно государство, однако нередко вопросами привлечения населения (работников) занимались компании.

Ключевые слова: внутрирегиональные передвижения; внешняя миграция; акторы миграции; вынужденное переселение; Якутия; миграция; освоение территории; население

Введение

В условиях противостояния коллективного Запада и Российской Федерации, когда ядро идеологии бывших партнеров составляет осознанное пренебрежение историческими корнями, обращение к истокам обретает особую актуальность, своевременным представляется усиление внимания исследователей к вопросам заселения и освоения территорий, присоединенных к Российской империи в дореволюционный период. Понимание исторического контекста позволит лучше понять специфику протекания социальных процессов в стране и её отдельных регионах в историческом контексте, оценить современное положение дел и выработать предложения о путях улучшения ситуации с учётом особенностей конкретной местности.

Якутия – уникальный регион по многим признакам: природно-климатическим характеристикам, размерам запасов минеральных

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ № 22–28–20180.

и биологических ресурсов, адаптированности населения к проживанию в экстремальных условиях. Освоение и заселение этого прекрасного, но сурового края было ярким и стремительным.

В современной России геополитическое и экономическое значение региона весьма велико, он обладает серьезными потенциальными возможностями и способен стать одним из локомотивов развития страны. Однако для того, чтобы реализовать этот потенциал, необходимо знать динамику формирования человеческих ресурсов, так как привлечение людей для работы в сложных северных условиях всегда требовало значительных усилий. Без рабочей силы необходимого количественного и качественного состава запасы капитала и полезных ископаемых останутся лишь резервом для улучшения социально-экономических показателей.

Исторически заселяемая и осваиваемая пришлым населением, Якутия остается одним из немногих регионов РФ, имеющих естественный прирост населения в постсоветский период, поэтому в фокусе нашего внимания находится миграция.

Изучение различных аспектов миграционных процессов активно притягивающей мигрантов Якутии привлекает внимание исследователей уже длительное время [Винокурова и др., 1994; Сукнёва и др., 2017; Tarskaia et al., 2021]. В региональной научной литературе мигранты преимущественно рассматривались как трудовые ресурсы [Ефимов, 1957; Трубина, 2013; Сукнёва, 2014], часто как население с определенными социально-демографическими характеристиками [Сукнёва, 2020; Федорова, Железнова, 2003], иногда как лица, имеющие намерения в плане смены места жительства [Сукнёва, 2010. С. 111–116; Барашкова и др., 2022].

На наш взгляд, исторические аспекты освоения Якутского края с точки зрения побудительных причин и интересов отдельных субъектов этого процесса представляют значительный исследовательский интерес. На основе обобщения широкого круга предшествующих публикаций мы вводим и используем термин «акторы миграции», под которыми подразумеваются все субъекты, влияющие на потоки перемещений, планирующие и организующие переселение населения, и непосредственно сами мигранты. При этом не важен аспект добровольности или вынужденности, спонтанности или осознанности решения о переезде и его реализации. Принципиальный критерий отнесения субъекта в статус «актора миграции» – *включенность в расходы* по смене места проживания. В идеале стоит задача определить

для них цену переезда или стоимость переселения с учётом индивидуальных особенностей. На данном этапе изучения вопроса мы пытаемся установить, в каком составе население переезжало в Якутию.

Расселение местного населения: этнический состав, акторы миграции

Дореволюционная Якутия (Ленский край) в экономическом, политическом и культурном отношении была одной из самых отсталых окраин империи. Согласно документам по сбору ясака в середине XVII в., там проживало 28470 якутов, 12580 эвенов и эвенков и 4775 юкагиров, а всего представителей народов Сибири было 46350 чел. [Долгих, 1960. С. 544–548].

Самый многочисленный народ края – якуты. Считается, что они вынужденно переселились из Прибайкалья в XIII – XIV вв. из-за натиска соседних племен [Гурвич, 1963. С. 71–91; Воробьев, 1975. С. 13–15]. Хозяйство якутов представляло собой перенесенный на север скотоводческий тип хозяйства лесостепей [Народы..., 1956. С. 13–15], что требовало оседлости и достаточных по площади пастбищ. К моменту присоединения Якутии к Русскому государству (1632 г.) большая часть якутских племен и родов размещалась в Лено-Амгинском междуречье. Отдельные группы проживали в низовьях Лены, Алдана, у устья Вилюя, в верховьях Яны, где якуты, будучи переселенцами для этих окраин, адаптировали скотоводство как залог выживания народа к новым климатическим и ландшафтным условиям.

Довольно интенсивные внутрирегиональные миграции якутов в ранние периоды колонизации связаны с оскудением естественного плодородия пастбищ и лугов, свирепыми эпидемиями (особенно оспы) и с необходимостью оплаты натурального налога пушниной – ясака независимо от того, водится ли зверь с ценным мехом и достаточно ли его в местах проживания промысловиков. В поисках средств к существованию наиболее бесстрашные якуты из центрального региона перекочевывали в богатые пушным зверем периферийные районы. Отток местного населения в соседние губернии и области, вплоть до побережья Охотского моря, даже в Туруханский край, исследователи нередко объясняют бесправным положением инородцев, по сути – двойным гнетом со стороны царского режима и местного тойоната [Патканов, 1911. С. 51–53; Стрелов, 1916. С. IV–V; Парникова, 1971.

С. 87–90]. Глубинные мотивы этого оттока описаны Дж. Скоттом [Скотт, 2021].

Позже сбор ясака исключительно мехами был заменен денежно-натуральным сбором. Причем, согласно Инструкции Первой Общесибирской Ясачной комиссии (по указу Екатерины II), в объекты обложения ясаком дополнительно были включены годная для скотоводства и земледелия земля и продукция отрасли скотоводства [Башарин, 2003. С. 21, 52–67, 252–255; Бахрушин и др., 1953. С. 255–303].

Служилые и промышленные люди, проникшие в свое время в бассейн Нижней Тунгуски, уже в 20-х годах XVII в. знали о большой Оленьей реке. Нижнее и среднее течение Оленёка занимали тунгусы племени азын, низовья Лены осваивали тунгусы долганского племени, в верховьях рек Анабар и Оленёк жили синигири и лалкагиры, ведущие кочевой образ жизни, обусловленный промысловыми занятиями. Что касается якутов, то их небезопасное продвижение (причём за счет собственных средств) в бассейны этих рек не сопровождалось внедрением традиционного уклада жизни, поскольку в физико-географическом плане тундра, лесотундра, а в геолого-геоморфологическом – каменистые окрестности Анабарского щита, оказались непригодными для скотоводства и коневодства. Постепенно переселенцы занялись промыслами и со временем сформировали группу северных якутов-оленевонов [Гурвич, 1977. С. 16, 31–73].

Обширные площади верховьев рек Яны и Индигирки и их притоков занимали ламуты (эвены). Территории севернее среднего течения Яны и восточнее ее притока Адычи, а также нижнего и среднего течения рек Индигирки и Колымы были районами проживания юкагирских племён. На северо-востоке от р. Омолон проживали чукчи. Основными занятиями северных этносов были оленеводство, рыболовство, охота, что так же, как и на северо-западе края, определяло их кочевой образ жизни.

Оседлость там была характерна лишь для якутских сообществ, о чем говорит тот факт, что аборигенные породы якутской лошади и коровы, привезенные якутскими семьями во времена их активных переселений на Яну, сохранились доньне в Эвено-Бытантайском улусе. Сохранение традиционной отрасли (скотоводства) является прямым свидетельством переезда якутов в составе семьи, в которой при распределении трудовых

обязанностей уход и содержание скота полностью ложились на плечи женщины, а обеспечение скота особо ценными кормами (травы *сибиктэ*, *чыбага*) – на мужчину [Petrov et al., 2020].

Однако в полной мере раскрыть масштабы территориальных передвижений местного населения затруднительно из-за нехватки достоверной информации, расхождения сведений по численности жителей края и компонентах её динамики [История..., 2021. С. 7, 42–45]. Так, почти восьмикратный рост численности якутов за 2,5 столетия связывают с положительным сальдо миграции [Фёдорова, Железнова, 2003. С. 52]. На наш взгляд, значение миграционной компоненты бесспорно в вопросе территориального перераспределения якутов, а основным фактором динамики их общей численности, временами неустойчивым и очень низким, оставался естественный прирост.

В середине XVII в. 92% якутов проживали в центре Ленского края. Однако к концу XIX в. на той же территории проживало чуть более половины от возросшей в 5,7 раза общей численности якутов. Скачкообразный прирост абсолютной (в 130 раз) и относительной численности якутов (с 2,9% до 38,6%) в вилюйской и южной группах районов во второй половине XVII в., вероятно, объясняется их перетоком сюда из центра края. Наблюдается слабый рост доли северо-восточных и восточных районов (с 5,1% до 8,2%) как ареалов расселения якутского населения, но и здесь прирост абсолютного числа якутов довольно внушителен (в 15,8 раза) (рассчитано по статистическим данным² [Борисов, 2010. С. 209; Майнов, 1927. С. 336–342, 351–359, 381]).

Приведенные цифры показывают довольно интенсивную внутрирегиональную миграцию якутских сообществ, и можно согласиться с мнением, что «к началу XIX в. около 40% якутов проживали за пределами своей первоначальной ойкумены» [Борисов, 2010. С. 254]. В целом расширение ареалов проживания якутов во многом имело вынужденный характер. Оно свидетельствует об адаптации населения к новым жизненным реалиям с сохранением традиционного уклада жизни, который возможен лишь силами семьи или рода.

² Якутия: XX век в зеркале статистики. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. 293 с. [С. 32].

Частные акторы миграции и мотивы их перемещений

Вхождение Ленского края в Русское государство, согласно положениям импульсно-волновой концепции освоения территорий, по времени совпадает с «меховой» волной территориального развития [Савченко, Воробьева, 2019]. Народная молва о «Великой реке» привела к тому, что сюда устремился стихийный поток предприимчивого русского люда. Считается, что русское продвижение было стремительным, а маршруты – столь разветвленными, что уже через десять лет русские оказались далеко на востоке края³.

Исследование И. И. Майнова позволяет выделить частных акторов миграции той эпохи – это «массы трудового и гулящего люда», которые неудержимо шли на восток и там оседали не только без поддержки, но нередко даже вопреки строгим запретам и противодействию властей. Столь рискованные переезды были вызваны крайне тяжелыми условиями существования в местах их исходного проживания [Майнов, 1912. С. III].

К приверженцам подхода «народной колонизации» обширных территорий Сибири, т.е. когда акторами выступают отдельные индивиды, может быть отнесен автор земско-областной теории А. П. Щапов, отмечавший, что народной (русской) колонизацией, прорубившей и отворившей «вековую широкую дверь в Сибирь», двигало прежде всего стремление к лесным и водным угодьям, богатым пушной и пернатой дичью, медом, рыбой и т.д.» [Щапов, 1906. С. 194]. Понемногу усилиями мелких промышленников, артельщиков, торговцев, т.е. также акторов миграционных потоков, началось освоение Якутии. Вблизи мест промыслов возникали некие прообразы поселений.

Первоначальной сферой интереса первых переселенцев была добыча пушнины, позже – промысел «рыбьих зубов» (моржовых клыков). Залежи последних были привязаны к узкой прибрежной полосе северных морей, и для их добычи снаряжались даже специальные промышленные экспедиции, зачастую на личные

³ Казарян П. Л. Об особенностях расселения якутов на Северо-Востоке Сибири в XVII – начале XIX века // Научно-популярный журнал «Тальцы». 2008. 9 ноября [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pribaikal.ru/talci-item/article/2250.html> (дата обращения: 10.03.2023).

средства инициаторов кампании. Уже в XVIII в. они достигали устья р. Анадырь [Бахрушин, 1927. С. 21, 38], в частности, в 1740-х годах русских торговых и промышленных людей здесь насчитывалось 2,5–3,5 тыс. чел. [Гурвич, 1963. С. 78, 82]. В годы «пушной лихорадки» через якутскую таможенную ежегодно проходило не менее тысячи человек, большинство из них промышленяло в составе небольших артелей [История..., 2021. С. 34].

Промыслом пушнины занимались и крупные торговые дома, следовательно, и они могут считаться инициаторами притока мигрантов из-за пределов Ленского края. Вместе с тем росла конкуренция и по причине стеснения в своей деятельности предприимчивых, физически наиболее сильных и здоровых мужчин. Они уезжали отсюда, устремляясь все дальше на восток, чтобы успеть хотя бы на короткий срок «воспользоваться правом первого занятия территории» [Андриевич, 1889. С. 147–148].

Новый этап освоения Якутии приходится на 40-е годы XIX в., когда в притоках р. Олёкма были обнаружены месторождения золота. Из-за того, что места были непроходимыми, промыслом там занимались только старатели-одиночки. Более-менее постоянное население составляли якуты (охотники и скотоводы) и тунгусы со стадами оленей, кочующие в тайге. К этому времени иркутские купцы уже долгое время привозили им товары повседневного спроса, которые меняли на меха, как правило, по проигрышному для промысловиков курсу, загонявшему их в «долговую яму». Однако все больше укоренявшиеся привычки к предметам «цивилизации», включая охотничье снаряжение, для местных жителей оказались слишком заманчивыми [Захаров, 1995; Сафронов, 1980].

В 1860-х гг. были открыты богатые золотоносные месторождения по притокам р. Витим, и к 1896 г. в этом уголке Якутии насчитывалось уже более 100 приисков [Хатылаев, 1972. С. 14]. При кажущейся стихийности притока «искателей удачи» в Южную Якутию, процесс найма рабочих и добычи драгоценного металла с первых шагов контролировался владельцами иркутских компаний. Действовала схема практически рыночных отношений с четкой организационной системой управления. Условия договора, режим труда рабочих были чрезвычайно

жесткими⁴. Со временем с целью подъема золотодобывающей промышленности власти санкционировали участие иностранных компаний. Роль иностранных компаньонов в золотодобыче сохранялась даже после распада Российской империи, и советской власти пришлось регулировать правовые отношения с ними.

В целом, мотивы миграции частных акторов кроются в меркантильных интересах, желании пусть и рискованной, но быстрой наживы. Сфера их деятельности (в первую очередь хищнический золотой и меховой промыслы) игнорировала интересы государства и не была направлена на устойчивое развитие территории.

Государство как актор миграции в дореволюционный период освоения Якутии

Непосредственным актором миграции может считаться и само Российское государство. Направления его действий диктовались насущными задачами времени. Государственное участие в освоении и заселении территории предполагало передвижение воинских команд по приказу, отправку казаков по жребию, направление крестьян по рекрутским наборам, административное водворение государственных крестьян, ссылку каторжан и т.д. Проводниками царской воли выступали, прежде всего, казаки, которые для охраны новых рубежей возводили остроги на всех главных речных артериях Якутии. На новых территориях постепенно внедрялись и основные атрибуты государственной власти: воеводства, таможни и пр.

В XVII в. область современной Якутии называлась «Государевая Новая Сибирская земля, что на великой реке Лене». В 1639 г. для управления этим огромным только что завоеванным краем были отправлены первые воеводы с гарнизоном в 395 человек и обозом с военным и хлебным трехлетним запасом [Майнов, 1912. С. 1–2]. Со временем численность служивых, т.е. представителей духовной, административной и военной власти, возросла. Если в 1691 г. на государевой службе состояло 760 чел., то через три года уже 860 [Сафронов, 1978. С. 49].

⁴ *Северин А.* Годь на Олекмъ // Газета «Сибирь». 1873. № 4. от 15 февраля [Эл. ресурс]. URL: <https://www.yakutskhistory.net/%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B8-%D0%B8-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D0%BD%D0%B0-%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D0%BC%D0%B5/> 3 (дата обращения: 10.03.2023).

Процесс создания военно-административных центров в новых землях сопровождался огромными трудностями, прежде всего – в вопросах снабжения служилого контингента провиантом. Для решения этой проблемы власти насильно переселяли в окрестности этих центров крестьян с семьями, возлагая на них обязанность заводить пашню. То есть создание **крестьянских (пашенных) поселений**, основы русской оседлости в Якутии, было вызвано необходимостью организации продовольственной базы в суровом крае. До конца XVII в. возникли Олекминская, Пеледуйская и Витимская деревни, в каждой из них насчитывалось от 10 до 17 семей крестьян. В 1731 г. ареал хлебопашества был расширен за счет включения в оборот плодородных (в условиях Якутии) земель близ селения Амга. Сюда было переселено 30 крестьянских семейств из Илимска [Сафронов, 1961. С. 49].

Известно, что чрезвычайно тяжелые условия проживания и труда нередко приводили к массовому бегству новоселов.

В ряду государственных мероприятий по заселению Якутии на рубеже XIX–XX вв. следует сказать о проекте специальной комиссии по изучению земельных ресурсов Ленского края. Она определила перспективные территории для заселения мигрантов, в частности, южные округа, с большими трудностями обжитые местным населением. Первыми переселенцами стали 70 семей, состоящие из 330 душ обоего пола⁵. Вопрос принудительного переселения на окраины империи в период столыпинской аграрной реформы был не нов, но в данном случае беспрецедентен по масштабам, поскольку в Якутию планировалось переселить 2 миллиона человек. Впрочем, этот проект так и не был воплощен по причине гибели П. А. Столыпина и начавшейся Первой мировой войны. С момента огласки масштаб проекта вызвал большой резонанс среди просвещенного населения. В ряду его противников был А. Е. Кулаковский, который видел перспективы развития края лишь в союзе Якутии с Россией, но столыпинскую инициативу считал преждевременной и губительной как для переселенцев, так и для местных народов [Кулаковский, 2012. С. 47–50].

Ямская гоньба. Несмотря на принудительный характер организации прокладки дорог и осуществления перевозок, в целом

⁵ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908). Санкт-Петербург: Типография министерства внутренних дел, 1908. 116 с.

эти меры нужно признать дальновидными решениями царской власти. Предсмертная воля Ивана III сохранять и развивать в России ямскую гоньбу, осуществлять регулируемые и транзитные перевозки, доставку почты была претворена в жизнь лишь через десятилетия после смерти Петра I – в 1750-х, да и то – с разной степенью успеха в разных губерниях.

В Якутии на 23 «станках» тракта между Витимом и Якутском привлеченные станковые крестьяне (208 чел.) освобождались от податей, на местах получали земли и ряд привилегий. Годовой оклад ямщиков по предписанию 1797 г. равнялся 988 руб. 66 коп. [Майнов, 1912. С. 8–13; Бахрушин 1927. С. 26], он выплачивался из суммы прогонов по трассе и поступлений от местных князьков, которым, в свою очередь, должны были платить приписанные к станциям якуты, являющиеся как бы поручителями за своих ямщиков. Такая форма экономико-правовых отношений послужила якутам еще одной основой адаптации к новым для них условиям бытия. В дальнейшем многие переселенные ямщики «пустили корни», освоили якутский язык и при этом сохранили свой образ жизни, род занятий, широту русской души.

«Житие на Лену». В освоении Ленского края принимали участие и те лица, которым предписывалось «житие на Лену». В XVII – начале XVIII вв. в целях военного укрепления и хозяйственного освоения края на поселение отправляли в основном административно-сылных. Они «садились на пашню» или занимались ремеслом, платили налоги, торговые пошлины, несли натуральные повинности. С отменой смертной казни в 1752 г. в составесылных стали преобладать каторжане. Если в XVII в. на «житие на Лену» направлялись десятки, иногда сотни человек, причем в составе семьи, то к концу XIX в. из-за расширения разновидностейсылки (в каторгу, на поселение после отбытия срока каторжных работ, на поселение по суду, административная высылка исылка на водворение) [Казарян, 1998. С. 128] численностьсылных в крае превысила 6,4 тыс. чел., $\frac{3}{4}$ которых составляли уголовные преступники.сылка в Сибирь в XIX в. рассматривалась правительством как средство заселения края («штрафная колонизация»). Но для местного населения содержаниесылных ложилось на плечи тяжелым бременем [Макаров, 2005. С. 33; Гоголева, 2017. С. 230–235].

Позитивные изменения для жизни местных жителей начались с вынужденного пребывания в Якутиисылных декабристов.

Политссылные, будучи в большинстве своем образованными людьми, внесли заметный вклад в дело просвещения, окультуривания инородцев и способствовали расширению их социальных контактов.

Итак, действия правительства царской России как актора миграции диктовались насущными государственными задачами и в целом были направлены на включение Якутии в общее пространство империи.

Выводы

Проведенное исследование, не претендуя на полное раскрытие особенностей столь многогранного вопроса, как миграция, предоставляет возможность по-иному взглянуть на участников территориальных перемещений. Введение в оборот термина «актор миграции» позволяет более чётко определять побудительные мотивы пространственного движения населения и его стоимость для участников. В раскрытии вклада каждого актора в процесс заселения и освоения дореволюционной Якутии заложен социально-экономический контекст, хотя мотивы перемещений акторов разные, как и характер смены места проживания (чаще вынужденный, нежели добровольный).

Выявлено, что в случае передвижений местного населения в пределах Якутского края акторами миграции выступали сообщества (род, племя, семья) или индивиды, которые совершали переезд всегда своими силами и за счет собственных средств. Переселение в Якутию служилого люда, пашенных, ямщиков, ссыльных организовывало, финансировало, сопровождало преимущественно государство, а вопросами привлечения промысловиков, старателей нередко занимались промышленные компании. В этой связи государство и компании вполне обоснованно могут считаться акторами миграции, в разной степени вовлеченными в развитие края. Однако вклад индивидуальных акторов не менее значим.

Ознакомление с доступными материалами показывает, что до сих пор достаточно сложно установить источники финансирования миграции и объёмы выделяемых на это ресурсов, а формулировки причин смены района проживания размыты, что затрудняет вычленение акторов миграции по предложенному критерию (цена переезда) и определение их затрат на переезд

или переселение. Статья показывает возможность практического применения данного подхода к анализу миграции. Дальнейший научный поиск авторов будет направлен на стоимостной аспект миграции в последующие периоды освоения и заселения Якутии.

Литература

Андреевич В. К. История Сибири. Часть I. С.-Петербург: Тип. и литогр. В. В. Комарова, 1889. 220 с.

Барашикова А. С., Сукнева С. А., Тарасова-Сивцева О. М., Стручкова Е. С. Миграционные настроения жителей арктических районов Якутии на рубеже веков // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2022. № 1 (25). С. 6–14. DOI: 10.25587/SVFU.2022.25.1.001

Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии. Ленинград: Издательство Академии наук, 1927. 50 с.

Бахрушин С. В., Токарев С. А., Сафронов Ф. Г. Якутия в XVII веке: очерки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1953. 446 с.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XV - XVII – середины XIX в.) в двух томах. Том первый. Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов / Отв. ред. В. Н. Иванов. М.: Арт-Флекс, 2003. 447 с.

Борисов А. А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.

Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: Наука, 1975. 259 с.

Винокурова Т. З., Шургина А. И. и др. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 72 с.

Гоголева Н. К. Из истории якутской ссылки XVII – начала XX вв. // Сибирская ссылка: Сб. научных статей / Отв. ред. Л. М. Дамешек. Вып. 8 (20). Иркутск: изд-во «Отгиск», 2017. С. 227–246.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленоводоов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с.

Гурвич И. С. Русские на Северо-Востоке Сибири в 17 в. // Сибирский этнографический сборник. Том V. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 71–91.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.

Ефимов И. К. Южная Якутия. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1957. 110 с.

Захаров В. П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Издательство СО РАН, 1995. 137 с.

История Якутии: в 3 т. Т. II. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2021. 216 с.

Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, б.и., 1998. 496 с.

Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции / Ред.-сост. Л. Р. Кулаковская. Новосибирск: Наука, 2012. 186 с.

Майнов И. И. Население Якутии / Якутия. Сб. статей под ред. П. В. Виттенбурга. М.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 323–420.

Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 409 с.

Макаров И.Г. Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии: Вторая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 2005. 259 с.

Народы Сибири // Народы мира / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 152 с.

Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1911. 210 с.

Савченко А.Б., Воробьева Е.А. Этапы освоения геопространства и изменение стратегического выбора России в Евразии // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 167–193.

Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX в.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1961. 495 с.

Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 259 с.

Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVI–середине XIX в. М.: Наука, 1980. 142 с.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 328 с.

Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области: с 1650 г. до 1800 г. Т. 1. Якутск: Издательство Якутской областной ученой архивной комиссии, 1916. 350 с.

Сукнёва С.А. Влияние миграции на формирование трудовых ресурсов Республики Саха (Якутия) // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 39. С. 57–64.

Сукнева С.А., Барашкова А.С. и др. Пространственная дифференциация развития северного региона: социальное измерение. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. 203 с.

Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010. 168 с.

Сукнёва С.А., Мостахова Т.С. и др. Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. Якутск: Издательство Сахаада, 2017. 208 с.

Трубина А.В. Социально-экономические факторы внутрирегиональной миграции на примере Республики Саха (Якутия). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 172 с.

Фёдорова Е.Н., Железнова Г.А. Миграция населения Якутии: прошлое и настоящее. Новосибирск: Наука, 2003. 200 с.

Хатылаев М.М. Золотопромышленность Якутии (1923–1937 гг.). Якутск: Якутское кн. изд-во, 1972. 212 с.

Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения в 3-х томах. Т. 2. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 182–364.

Petrov K., Dudareva L. V., Nokhsorov V. V., Stoyanov K. N., Makhutova O. N. Fatty acid content and composition of the Yakutian horses and their main food source: living in extreme winter conditions. *Biomolecules*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 315. DOI: 10.3390/biom10020315.

Tarskaia L., Egorova A. G., Barashkova A. S., Sukneva S. A., Leonard W. Migration patterns in the Republic of Sakha (Yakutia) // *Human Migration* / Edited by: Maria de Lourdes Muñoz-Moreno and Michael H. Crawford. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 115–121. DOI: 10.1093/oso/9780190945961.003.0010

Статья поступила 13.03.2023

Статья принята к публикации 15.03.2023

Для цитирования: *Барашкова А.С., Синица А.Л.* Миграция в Якутии сквозь призму освоения края в дореволюционный период // ЭКО. 2023. № 4. С. 166–182. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-4-166-182

Информация об авторах

Барашкова Анастасия Спиридоновна (Якутск) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: asbarashkova52@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3397-5547

Синица Арсений Леонидович (Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории экономического образования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: sinitsa@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619

Summary

A. S. Barashkova, A. L. Sinitsa

Migration in Yakutia through the Prism of Territory Development in the Pre-Revolutionary Period

Abstract. The history of settlement in the Russian outskirts allows us to better understand the context of their development and to prepare recommendations for improving the socio-economic situation. The authors introduced the term “actors of migration” into scientific usage, which serves as a tool for systematizing the available knowledge about migration and establishing cause-and-effect relations when analyzing migration processes, in particular when estimating the costs of relocation or resettlement. Using the example of the development of Yakutia in the seventeenth and nineteenth centuries, the contribution of individual actors of migration is considered. It is shown that in the case of the movement of the local population within Yakutia, the actors of migration are clan, tribe and family. External migration was organized, financed and accompanied mainly by the state, but companies were often involved in attracting the population (workers).

Keywords: *intraregional movements; external migration; migration actors; forced resettlement; Yakutia; migration; territory development; population*

References

- Andrievich, V.K. (1889). *History of the Siberia*. Part I. St.-Petersburg, Tip. and lithograph B. V. Komarov. 220 p. (In Russ.).
- Bakhrushin, S.V. (1927). *Historical fates of Yakutia*. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences. 50 p. (In Russ.).
- Bakhrushin, S.V., Tokarev, S.A., Safronov, F.G. (1953). *Yakutia in the XVII century: sketches*. Yakutsk, Yakutsk Publishing House. 446 p. (In Russ.).
- Barashkova, A.S., Sukneva, S.A., Tarasova-Sivtseva, O.M., Struchkova, E.S. (2022). Migration sentiments of the residents of the Arctic regions of Yakutia at the turn of the century. *Bulletin of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: Economics. Sociology. Culturology*. No. 1 (25). Pp. 6–14. DOI: 10.25587/SVFU.2022.25.1.001 (In Russ.).
- Basharin, G.P. (2003). *History of agrarian relations in Yakutia (XV – XVII – the middle of XIX century) in two volumes*. Volume one. Agrarian relations from ancient times to the 1770s. Ed. by V.N. Ivanov. Moscow, Art-Flex Publ. 447 p. (In Russ.).
- Borisov, A.A. (2010). *Social history of Yakuts in the late Middle Ages and Modern times: the experience of a comprehensive study*. Novosibirsk, Nauka Publ. 272 p. (In Russ.).
- Dolgikh, B.O. (1960). *Clan and tribal composition of the peoples of the Siberia in the seventeenth century*. Moscow, AN USSR Publ. 662 p. (In Russ.).
- Efimov, I.K. (1957). *South Yakutia*. Yakutsk, Yakutsk Publishing House. 110 p. (In Russ.).
- Fedorova, E.N., Zheleznova, G.A. (2003). *Migration of the population of Yakutia: Past and present*. Novosibirsk, Nauka Publ. 200 p. (In Russ.).
- Gogoleva, N.K. (2017). Of the history of the Yakut exile of the 17th – early 20th centuries. In: *Siberian exile. Collection of scientific articles*. Ed. by L. M. Dameshek, et al. No. 8 (20). Irkutsk, Ottisk Publ. Pp. 227–246. (In Russ.).
- Gurvich, I.S. (1977). *Culture of the Northern Yakut deer breeders. To the question of the late stages of the formation of the Yakut people*. Moscow, Nauka Publ. 247 p. (In Russ.).
- Gurvich, I.S. (1963). Russians in the North-East of the Siberia in the 17th c. In: *Siberian ethnographic collection*. Vol. 5. Moscow, AN USSR Publ. Pp. 71–91. (In Russ.).
- History of Yakutia: In 3 vols*. Vol. II. (2021). Ed. by A. N. Alekseev. Novosibirsk, Nauka Publ. 216 p. (In Russ.).
- Kazarian, P.L. (1998). *Yakutia in the system of political exile of Russia. 1826–1917*. Yakutsk, without Publisher. 496 p. (In Russ.).
- Khatylaev, M.M. (1972). *Gold industry of Yakutia (1923–1937)*. Yakutsk: Yakutsk Publishing House. 212 p. (In Russ.).
- Kulakovskii, A.E. (2012). *Yakut intelligentsia*. Ed. by L. R. Kulakovskaya. Novosibirsk, Nauka Publ. 186 p. (In Russ.).
- Mainov, I.I. (1927). Population of Yakutia. In: *Yakutia. A collection of articles*. Ed. by P. V. Wittenburg. Moscow, AN USSR Publ. Pp. 323–420. (In Russ.).
- Mainov I.I. (1912). *Russian peasants and sedentary aliens of the Yakutsk region*. St.-Petersburg, Tip. V.F. Kirshbaum. 409 p. (In Russ.).
- Makarov, I.G. (2005). *Criminal, religious and political exile in Yakutia: the second half of the XIX century*. Novosibirsk, Nauka Publ. 259 p. (In Russ.).

Parnikova, A.S. (1971). *Settlement of the Yakuts in the XVII – early XX centuries*. Yakutsk, Yakutsk publishing house. 152 p. (In Russ.).

Patkanov, S.K. (1911). *On the growth of the inorod population of Siberia: statistical materials to illuminate the issue of the extinction of primitive tribes*. St.-Petersburg, Publishing house of the Imperial Academy of Sciences. 210 p. (In Russ.).

Peoples of Siberia. (1956). *Peoples of the World*. Ed. by M.G. Levin, L.P. Potapov. Moscow–Leningrad: Publishing house of the AN USSR. 1083 p. (In Russ.).

Petrov, K., Dudareva, L.V., Nokhsorov, V.V., Stoyanov, K.N., Makhutova, O.N. (2020). Fatty acid content and composition of the Yakutian horses and their main food source: living in extreme winter conditions. *Biomolecules*. Vol. 10. No. 2. Pp. 315. DOI: 10.3390/biom10020315

Safronov, F.G. (1978). *Russians in the North-East Asia in the XVII – the middle of XIX centuries. Governance, servicemen, peasants, urban population*. Moscow, Nauka Publ. 259 p. (In Russ.).

Safronov, F.G. (1961). *Russian peasants in Yakutia (17th – early 20th century)*. Yakutsk, Yakutnigozdat. 495 p. (In Russ.).

Safronov, F.G. (1980). *Russian crafts and trades in the North-East Asia in the XVI – middle XIX centuries*. Moscow, Nauka Publ. 142 p. (In Russ.).

Savchenko, A.B., Vorob'eva, E.A. (2019). Stages of geospace development and change of Russia's strategic choice in Eurasia. In: *Voprosy geografii. Sb. 148. Russia in the emerging Greater Eurasia*. Moscow, Codex Publishing house. Pp. 167–193. (In Russ.).

Scott, J. (2021). *Against the grain: a deep history of the earliest states*. Moscow, Delo Publ. 328 p.

Shchapov, A.P. (1906). Historical and geographic distribution of the Russian population. *Works in 3 volumes*. Vol. 2. St.-Petersburg, Editions of M.V. Pirozhkov. 620 p. (In Russ.).

Strelov, E.D. (1916). *Acts of the archives of the Yakutsk Region: from 1650 to 1800*. Volume 1. Yakutsk, Publishing house of the Yakutsk Regional Scientific Archival Commission. 350 p. (In Russ.).

Sukneva, S.A. (2010). *Demographic potential for the development of the population of the northern region*. Novosibirsk, Nauka Publ. 168 p. (In Russ.).

Sukneva, S.A. (2014). Influence of migration on the formation of labor resources of the Republic of Sakha (Yakutia). *Economic Analysis: Theory and Practice*. No. 39. Pp. 57–64. (In Russ.).

Sukneva, S.A., Barashkova, A.S. et al. (2020). *Spatial differentiation of development of the northern region: the social dimension*. Yakutsk, Publishing House NEFU. 203 p. (In Russ.).

Sukneva, S.A., Mostakhova, T.S. et al. (2017). *Demographic processes in the Republic of Sakha (Yakutia): Territorial aspect*. Yakutsk, Publishing house Sakhaada, 208 p. (In Russ.).

Tarskaia, L., Egorova, A.G., Barashkova, A.S., Sukneva, S.A., Leonard, W. (2021). Migration patterns in the Republic of Sakha (Yakutia). In: *Human Migration*. Ed. by Maria de Lourdes Muñoz-Moreno and Michael H. Crawford. Oxford, Oxford University Press. Pp. 115–121. DOI: 10.1093/oso/9780190945961.003.0010

Trubina, A.V. (2013). *Socio-economic factors of intra-regional migration by the example of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk, Publishing House NEFU. 172 p. (In Russ.).

Vinokurova, T.Z., Shurgina, A.I. et al. (1994). *Demographic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): problems and prospects*. Yakutsk, YaSC SB RAS. 72 p. (In Russ.).

Vorob'ev, V.V. (1975). *Formation of the population of the Eastern Siberia (geographical features and problems)*. Novosibirsk, Nauka Publ. 259 p. (In Russ.).

Zakharov, V.P. (1995). *Fur trade and commerce in Yakutia (end XIX – beginning XX c.)*. Novosibirsk, Publishing house of the Siberian Branch of RAS. 137 p. (In Russ.).

For citation: Barashkova, A.S., Sinita, A.L. (2023). Migration in Yakutia through the Prism of Territory Development in the Pre-Revolutionary Period. *ECO*. No. 4. Pp. 166–182. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-166-182

Information about the authors

Barashkova, Anastasia Spiridonovna (Yakutsk) – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher. Population Economics and Demography Research Institute of Regional Economics North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. E-mail: asbarashkova52@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3397-5547

Sinita, Arseniy Leonidovich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Researcher. Laboratory for Economic Education, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. E-mail: sinita@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619